

Виктор
ПРОНИН

**ФОТОГРАФИЯ
С ПРИЦЕЛОМ**

Москва

2 0 1 6

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Оформление серии художников *В. Щербакова, Г. Саукова*

Иллюстрация на обложке художника *В. Петелина*

Серия основана в 1993 году

Пронин, Виктор Алексеевич.
П81 Фотография с прицелом / Виктор Пронин. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-699-90707-6

Во время строительных работ в городском парке обнаружены три скелета. Криминалисты установили, что принадлежат они молодым девушкам, тела которых были погребены лет десять назад. Дело поручено операм Пафнутьеву и Худолею. Сыщики находят архивные материалы о пропавших после выпускного вечера трех школьницах и понимают, что шансы выйти на преступника очень малы: прошло слишком много времени... Сдвинуть дело с мертвой точки помогает случай: в руке погибшей девушки найдена пуговица с изображением пропеллера. А на архивной групповой фотографии в форменной авиационной куртке изображен только один человек...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90707-6

© Пронин В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Фотография с прицелом

РОМАН

«Ну что, Пафнутьев, затянулась наша передышка. Пора приниматься за дело. Входи в свой кабинет, усаживайся в жестковатое, но привычное кресло, бери телефонную трубку и вперед. Без страха и сомнений».

«Так вроде молчит телефон-то», — ответил Пафнутьев сам себе и недоуменно огляделся по сторонам.

«Не переживай, Паша. Твой номер уже набран».

Так оно и было. Стоило Пафнутьеву протянуть руку к телефону, как раздался резкий звонок. По каким-то совершенно непонятным и необъяснимым признакам он частенько знал, какой именно ему предстоит разговор.

К примеру, деловой, срочный, спешный, когда надо срывать куртку с вешалки, хватать кепку и, не надевая ее, мчаться во двор к машине. А может, Худолей будет опять долго, вязко и многозначительно напоминать о невыполненном обещании. Он, видите ли, все ждет, надеется и верит.

Пафнутьев начнет убеждать его в том, что такая вот вера не безнадежна. Кое-какие мечты в жизни иногда все-таки сбываются. Ожидания Худолея совсем даже не беспочвенны. Заветная поллитровка очень скоро окажется в его тощеватых ладошках.

«Скорей бы!» — Худолей обычно заканчивал такие разговоры тяжким стоном.

Но сейчас Пафнутьев сразу догадался, что звонил не Худолей. Это был Шаланда, начальник полиции.

— Паша, — просипел он, задыхаясь так, как будто взбежал по лестнице. — Я буду у твоих ворот через десять минут! Нет, через пять! Ты меня слышишь?! Я уже рядом!

— Жду с нетерпением, — ответил Пафнутьев и положил трубку, твердо зная, что своим немногословием обидит Шаланду.

Тому явно хотелось, чтобы Павел начал бы выпрашивать, что случилось, где, когда, с кем. Он отвечал бы запутанно и нескладно. Пафнутьев нервничал и переспрашивал бы.

Он надел легкую плащевую куртку, клетчатую кепку, бросил на себя косой взгляд в зеркало у шкафа и вышел из кабинета. У ворот Павел стоял ровно через десять минут.

Шаланда уже ждал его в своем «газике».

— Что-то ты не торопишься, — проворчал он.

— Без нас ничего не случится.

— Уже случилось.

— Неужто смертоубийство? — спросил Пафнутьев без особого интереса.

— Паша... — Шаланда помолчал, ворочая желваками. — Значит, так. Давай договоримся. Шуточки потом, ладно? Обнаружены скелеты.

— Человеческие?

— Кошачьи.

— Вот видишь, Шаланда, и ты на шуточки скатился. Много скелетов?

— Три.

— Давние?

— Нет. — Шаланда все еще хмурился. — Лет десять.

— Значит, придется работать, — пробормотал Пафнутьев. — Далеко?

— Почти приехали.

— Ого! В черте города?

— Да, Паша, именно так. — Шаланда обернулся и в упор посмотрел на Пафнутьева с переднего сиденья. — Мои ребята навскидку прикинули — вроде женские. Если не девичьи.

— Крутовато, — заявил Пафнутьев, выходя из остановившегося «газика».

Шаланда присел рядом с ним на край обрыва и проговорил:

— Там, понимаешь, волосы длинные, бусы, правда, совсем дешевенькие, стекляшки. Ну и все остальное, что бывает в таких случаях.

— А что бывает в таких случаях? — спросил Пафнутьев.
— Сам не знаешь? Одежка, обувь. Босоножки...
— Значит, летом их порешили.
— С чего ты взял? — удивился Шаланда.
— Босоножки, сам же говоришь. Колготки должны сохраниться, трусики.

Пафнутьев и Шаланда сидели на самом краю обрыва. За их спиной шла трасса. Машины неслись по ней сплошным потоком. Крутой обрыв, заросший кустарником, заканчивался метрах в двадцати внизу. Дальше росли деревья покрупнее. Там располагался небольшой парк, а за ним — речка.

Перед парком вразброс стояли два самосвала, ковшовый экскаватор. В тени сидели несколько рабочих.

— Чем они тут занимаются? — спросил Пафнутьев.
— Площадку расчищают. Танцы-шманцы. А может, что-то спортивное соорудят.
— А где скелеты?
— Вон вешка с метелкой на конце. Пойдем, посмотрим?
— Конечно!

Зрелище было печальное. Земля, взрытая экскаватором. Кости, торчащие из глиняных комков.

Пафнутьев видел, что они человеческие. В одном месте он рассмотрел частокор челюсти, подошел, пригляделся. Все зубы были на месте, никаких провалов, эмаль совершенно не стерта, значит, молодые.

Он так и сказал Шаланде:

— А зубы-то прекрасные. Ты прав, Шаланда. Похоже, здесь действительно девочек зарыли.

— Найти бы злодеев, а, Паша?
— Что-то подсказывает мне... — начал было Пафнутьев, но тут же замолчал так резко, словно сам себе рот заткнул.

— Нет, Паша, говори! — Шаланда ухватил Пафнутьева за полу куртки и уставился прямо в его физиономию своими маленькими горящими глазками. — Говори, Паша! Начал, так не молчи! Ну!

— Что-то, Жора, подсказывает мне, что мы их найдем, — медленно произнес Пафнутьев. — Эти шалунишки не могут исчезнуть так, чтобы никаких следов не оставить. Если, Жора, ты этого не знаешь, так я тебе открою истину — они

никуда не деваются, не исчезают с глины, песка, из совести и памяти. Даже вода все помнит! — вдруг заорал Пафнутьев.

— Мысль, конечно, свежая, — заявил Шаланда и усмехнулся. — Но где-то я ее уже слышал.

— От меня, конечно, — заявил Пафнутьев. — Поможешь?

— Паша! — Шаланда прижал к груди пухловатые ладони. — Все, что скажешь, о чем только подумаешь и попросишь!.. Я мгновенно! Понял? Сей же секунд!

— Тогда слушай меня внимательно и не говори потом, что не слышал. Ты по званию кто?

— Сам не знаешь? — обиженно спросил Шаланда.

— Если бы не знал, не спрашивал бы. Ты же ведь настоящий полковник?

— Я слушаю тебя, Паша.

— Пока здесь не собрались толпы окрестных жителей, вызывай трех-четырех своих ребят. С черными пластмассовыми мешками. И с лопатами.

— Господи, Паша! А мешки-то зачем?

— Для скелетов.

— Ах да. Мне как-то и в голову не пришло.

— Пусть постараются положить каждый скелет в отдельный мешок.

— На всякий случай?

— Шаланда, на случай опознания! У кого-то в детстве нога была сломана, у кого-то шрам на голове остался, мало ли. У всех этих скелетов имена, фамилии, биографии, родственники. У всех у них есть еще и убийцы!

— Паша... — Шаланда помолчал. — Какой ты все-таки умный!

— Да, этого у меня не отнять, — согласился Пафнутьев.

— Знаешь, такое ощущение, будто мы их всех уже задержали.

— Хорошее ощущение. Но я еще не все сказал. Видишь рабочих? Вон они в тенечке покуривают. Ты сейчас подходишь к ним и зычным, хорошо поставленным полковничьим голосом отдаешь приказ. Пусть экскаватор с верхом загрузит вон те два самосвала, валит в них землю, глину, песок, мусор, в которых были обнаружены скелеты этих юных красавиц.

— А почему ты решил, что это были юные красавицы? — почему-то стесняясь, спросил Шаланда.

— А вон череп видишь? Зубки один в один! Так бывает только в двадцать лет. Хотя нет, это уже поздно. Скорее в семнадцать.

— Уж больно ты придирчив, — проворчал Шаланда. — Ну, хорошо, и что мне делать с этими двумя машинами глины?

— У тебя есть площадка, на которой тренируются юные автомобилисты?

— Ну есть, и что?

— Пусть эти два восьмикубовых самосвала ссыплют землю с прахом на твою площадку. А утром придут мои ребята с мелким ситом и делом займутся. Вон американцы не поленились, два небоскреба просеяли, и не зря. Многое им открылось, о чем и не догадывались.

— Так, понял. — Шаланда уставился себе под ноги. — Мои ребята из грузовиков землю ссыплют, а твои просеют, да? Мои, выходит, для этой тонкой работы не годятся, да? Умом не вышли?

— Жора, не гони волну! — с усмешкой проговорил Пафнутьев. — Согласен, пусть просевают твои. Но чтоб ни одна пуговичка, заколочка, набоечка от каблука, фантик от конфеты, съеденной десять лет назад, не пропали. Договорились?

Шаланда, не отвечая, молча направился к рабочим, ошивавшимся возле самосвалов. Он долго им что-то объяснял, показывая на землю, развороченную экскаватором, потом, видимо, договорился, каждому пожал руку, потряс массивным кулаком в воздухе и вернулся к Пафнутьеву, поджидавшему его.

— С тебя причитается, — сказал Шаланда, присаживаясь.

— Знакомые слова, — ответил Пафнутьев.

— И где же ты их слышал?

— Каждый день я их слышу не менее десяти раз. От Худолея.

Шаланда долго молчал, сопел, пытался кому-то звонить по мобильнику.

Наконец-то он не выдержал и пробубнил:

— Это что же, ты хочешь сказать, что Худолей и я?..

— Одного поля ягоды! — рассмеялся Пафнутьев. — Ладно, Жора, не кати на меня бочку. Сам же виноват. Слова подвернулись. Бывает такое. Что там у тебя?

— Грунт завтра утром будет на моей площадке. — Шаланда помолчал, потом добавил: — Просеянный.

— Жора! — радостно вскричал Пафнутьев. — Да тебе же цены нет!

— Я знаю, — печально проговорил Шаланда. — Только вот не все это понимают. Не сразу до людей доходит, не всегда, не до всех.

— Ну, виноват! Прости великодушно! Сказал же, с меня причитается!

Лучше бы он не говорил последнего слова. Шаланда опять насупился, отвернулся и замолчал, похоже, надолго. Пафнутьеву ничего не оставалось, как примирительно хлопнуть ладонью по массивной коленке полковника.

— Ладно, Жора, проехали. Я вот сидел здесь, бездельничал, пока ты ребят озадачивал, — мимоходом похвалил он Шаланду. — И вот что подумал. Скелеты не в одной кучке лежат. Они разбросаны. Метрах в пяти друг от друга.

— Что же из этого следует? — проворчал Шаланда все еще недовольно.

— Из этого следует, что надо бы экскаваторщику сказать, чтобы грунт с каждым скелетом грузил отдельно. Да и сыпать его надо на твоей площадке тоже разными кучками. Ребята твои, которые глину просеивать будут, тоже чтобы добычу свою отдельно складывали.

— Так, — буркнул Шаланда. — Дальше что? Какие еще будут указания?

— А еще такие будут указания. — Пафнутьев тоже, кажется, начал заводиться. — Все, прошу прощения, скелеты лучше тоже сложить в отдельные мешки, чтобы косточки не перепутались. Мало ли чего потом может случиться.

— Так, — повторил Шаланда. — Это как же надо понимать? Мы все тут дураки, и вдруг среди нас один умный затесался, да?

— Все, Жора, так и есть. Вот ты смотришь по сторонам и, кроме следов давнего преступления, ничего не видишь!

— Что же такое забавное увидел ты, Паша? Поделись!

— Делюсь. На той стороне улицы, Жора, стоит пивной павильончик.

— Что же из этого следует?

— Надо бы туда заглянуть.

— Зачем? — Надо признать, что Шаланда не мог быстро переключаться с одной темы на другую.

— Как зачем? — удивился Пафнутьев. — Проверить работу этого заведения. Достаточно ли охлаждено пиво, не разбавлено ли, прожарены ли орешки?

— Ну и послал бы своего Худолей! Пусть он проверил бы.

— Худолей уже там, — невозмутимо проговорил Пафнутьев. — Пиво на столе. Орешки тоже. Милая девушка в белом переднике приветливо машет тебе рукой.

— Почему мне? — подозрительно спросил Шаланда.

— Худолей сказал ей, что из нас ты — самый главный.

— Боже! — кажется, всерьез простонал Шаланда. — С кем я связался! Постой, это что же получается? — вдруг остановился он. — Значит, и платить мне придется?! Как самому главному?

— Как скажет Худолей, — с усмешкой проговорил Пафнутьев.

Где-то внизу, за срезом дороги гудели самосвалы, рокотал ковшовый экскаватор, черпая скорбный груз и ссыпая его в железные кузова. Пафнутьев, Шаланда и Худолей, пристроившийся сбоку, не торопясь потягивали пивко, обменивались легкими, незначительными и, в общем-то, пустоватыми словами.

Пафнутьев вдруг с немалым удивлением понял, что его несколько не взволновало сегодняшнее событие, связанное с обнаружением скелетов, смерть девушек, случившаяся лет десять назад. Вполне возможно, что их кто-то вспомнит, но вряд ли эта находка кого-то потрясет до глубины души, заставит куда-то мчаться, кому-то звонить, сообщать. К этому времени умерли многие бабушки, дедушки, соседи. Люди разъехались в другие края, в иные города.

Положено отработать это маленькое происшествие? Сделаем. Что можно — выясним, не сумеем — нас простят. Нуж-

ные бумажки подошьем в папки и поставим их на полки, каждую под своим номером.

Вот и все, ребята, конец фильма. Проехали.

Да о чем говорить, если каждую ночь находят то три, а то и гораздо больше свеженьких, тепленьких, еще сочащихся кровью трупов. За каждым неостывшая трагедия, страдание, боль. Хоть бы с ними управиться как-то успеть.

Пафнутьев сильно ошибался и пока еще не знал, что ему не один раз придется в этом убедиться. Он столкнется с тем, что остро заточенный нож из рессорной стали и поныне лежит на расстоянии вытянутой руки. Патроны, спрятанные за книгами в фанерном шкафу, набиты кабаньей картечью. Порох в них сух и свеж.

Окажется, что бампер на легкомысленной легковушке лимонно-желтого цвета сделан не из жиденькой немецкой или японской пластмассы. Он изготовлен из самой настоящей стальной брони, раздобытой на соседнем танковом заводе. На этом металле не остается никаких следов после столкновения с неосторожным ночным прохожим.

А эти самые ночные прохожие до того неосторожны и самонадеянны, что просто смешно. Но смеяться, конечно, будут уже не они. Эти наивные бедолаги свое отсмеялись, но еще не догадываются об этом.

Вот и Пафнутьев Павел Николаевич тоже скоро откажется от своих легковесных мыслей о канцелярском характере работы, которая ему предстоит с этими несчастными скелетами. Уже через два-три дня он почувствует, что в мире существует заточенный нож из рессорной стали, патроны с кабаньей картечью и бампер из танковой стали, пристроенный к лимонно-желтой легковушке.

Знать об этом через два-три дня он не будет, но почувствует. Озноб предчувствия пробежит по его спине гораздо раньше, может быть, уже завтра утром. В его собственном рабочем кабинете. Да, едва он взглянет на поверхность своего стола и увидит три маленькие кучки предметов женского туалета, основательно проржавевших и совершенно непригодных к употреблению.

Впрочем, там будут не только они, но об этом чуть позже. Давайтеждемся утра.

А сейчас все выглядит очень мило. Светятся солнечные зайчики на столике, на котором стоят стеклянные кружки с пивом. Порхает за прилавком девчушка в белом переднике. Глухо позвякивает посуда в ее руках.

Поймав взгляд девчушки, Пафнутьев легко, не задумываясь, вскинул руку и показал ей три растопыренных пальца. Мол, нам еще три кружки.

— Мне не надо, — сказал Худолей. — Уеду вон на том самосвале. Посмотрю, что там и как.

— Все необходимые поручения я уже дал, — холодно сказал Шаланда. — Землю сыпают на автоплощадке.

— Вот и хорошо. Хочу убедиться, что они не сваливают весь грунт в одну кучу.

— Пусть только попробуют! — Шаланда положил массивный кулак на стол.

— Пусть едет, Жора, — поддержал Худолея Пафнутьев. — Нам без него будет веселее.

— Ну, если так, то валяй, — легко согласился Шаланда. — В случае чего звони. — Он показал девчушке за прилавком два пальца.

Дескать, заказ меняется. Нам понадобится только два пива.

Продолжал рокотать ковшовый кран, груза в восьмикубовый самосвал комья глины с девичьими косточками. По-прежнему проносились по трассе машины. Позвякивала пустыми бокалами девчушка в белом переднике.

А утром...

Вот утром-то все и началось.

Утро оказалось свежим после ночного дождя, солнечным и даже каким-то неуместно радостным. Впрочем, этой вот неуместности Пафнутьев не замечал, пока не перешагнул порог своего кабинета. Все еще как бы пребывая на залитой солнцем улице, он бросил свою легкую плащевую куртку на гвоздь у двери, на него же повесил кепку, шагнул к столу и остановился.

На столе он увидел три маленькие, невзрачные кучки, состоящие из забитых глиной ржавых заколок, туфелек, уже